

Л.А. ОКОЛЬСКАЯ

ЭМОЦИИ РОССИЯН В 2014–2024 гг.

ОКОЛЬСКАЯ Лидия Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник сектора исследований личности Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (okoli@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируются результаты всероссийских опросов Левада-Центра* 2014–2024 гг. об эмоциях, переживаемых россиянами лично и наблюдаемых у окружающих людей. Построена иерархия переживаемых эмоций, рассматривается динамика средних значений индексов позитивных и негативных эмоций. Изменения отдельных эмоций оценены методом регрессионного анализа. Отмечается, что в структуре эмоций россиян стабильно высокую выраженность имеют эмоции, связанные с коллективной самооценкой. В период пандемии COVID-19 в 2021 г. зафиксировано статистически значимое обострение негативных эмоций. В опросах 2022 г. выявлен значимый подъем позитивных эмоций, которые стали доминировать над негативными. Коллективная самооценка значительно укрепилась; в то же время россияне чаще отмечали у окружающих растерянность и стыд. В 2023 г. воодушевление отчасти стихло, но в 2024 г. эмоциональный подъем продолжился. Отмечен эффект противофазы в динамике позитивных эмоций россиян: чувство собственного достоинства было значимо снижено на протяжении почти всего периода измерений, а уверенность в завтрашнем дне, напротив, укреплялась.

Ключевые слова: позитивные и негативные эмоции • чувства • эмоциональные нормы • коллективная самооценка • самоотчеты • регрессионный анализ

DOI: 10.31857/S0132162524090039

Введение. Изучение структуры и динамики эмоций, « витающих в воздухе », одновременно ощущаемых большими группами людей, дает ценную социологическую информацию о состоянии общества и происходящих в нем процессах – как глобальных, так и ситуативных, выражающих реакцию на конкретные события. Такие исследования актуальны в периоды социальной турбулентности, когда привычные условия жизни изменяются.

Российские социологи рассматривают эмоции через обобщенные концепты, такие как социальное самочувствие и социальные настроения (см., напр., [Петухов, 2010]). Внимание исследователей привлекают и отдельные эмоции – страх, гордость, счастье [Шубкин, Иванова, 2001; Fabrykant, Magun, 2019; Козырева и др., 2015]. Фонд «Общественное мнение» измеряет настроения социального окружения россиян при помощи дихотомической шкалы, предлагающей выбор между спокойным и тревожным состояниями¹. Один из сравнительно немногих источников социологической информации о широком спектре эмоций россиян – регулярные всероссийские опросы коллектива Ю.А. Левады. В них измеряются личные эмоции россиян и воспринимаемые ими эмоции окружающих [Советский простой человек, 1993; Гудков, 2023]. Мы обратились к архиву АНО «Левада-Центр»,

Автор благодарит Н.А. Зоркую и Д.А. Волкова за предоставленные данные, В.С. Магуна и О.А. Симонову – за ценные комментарии.

*АНО «Левада-Центр» включена Минюстом России в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

¹ См., напр., Доминанты. Поле мнений. Результаты еженедельных всероссийских опросов ФОМ. 2020. № 38. URL: <https://fom.ru/Dominanty/14461> (дата обращения: 13.05.2024).

чтобы рассмотреть эти данные через теоретическую рамку социологии эмоций, которая прежде к ним не применялась.

В задачи исследования входит анализ структуры эмоций и ее изменений с 2014 по 2024 г. Вместе с динамикой средних показателей позитивных и негативных эмоций рассматривается значимость изменений отдельных переменных с фокусировкой на двух периодах нестабильности: пандемии COVID-19 и военного конфликта с Украиной, вступившего в открытую фазу в феврале 2022 г.

Теоретические основания исследования. Основоположник социологии эмоций Т. Кемпер определил их как автономные моторно-когнитивные состояния, во многом обусловленные социальными отношениями [Kemper, 1978]. Ученый предложил считать первичными четыре эмоции – страх, гнев, депрессию и счастье, а прочие рассматривать как производные от них. П. Экман выделил шесть базовых эмоций – удовольствие, злость, отвращение, страх, грусть и удивление [Экман, 2018]. По утверждению Кемпера, число возможных эмоций определяется готовностью культуры дифференцировать социальные ситуации и степенью интереса ее носителей к этим ситуациям, то есть уровнем эмоциональной сложности культуры [Kemper, 1987].

Для социологии эмоций важным конструктом служит понятие эмоциональной нормы – культурных ожиданий об эмоциях в различных ситуациях [Stearns, Stearns, 1985]. Следование эмоциональным нормам способствует поддержанию социального порядка и укреплению солидарности [Thoits, 2004]. В известной работе «Управляемое сердце» А. Хокшильд показала, что люди подавляют, маскируют либо выставляют напоказ те или иные эмоции с целью выстраивания предпочтительных социальных отношений [Хокшильд, 2019]. Эмоциональные нормы могут воздействовать на рефлексивные представления людей о собственном состоянии и на восприятие других.

При изучении структур эмоций часто применяются социологические опросные методы – сбор самоотчетов о частоте переживаемых эмоций и представлений об их желательности. В сравнительных исследованиях проверяются гипотезы об универсальности или специфичности эмоционального опыта в разных культурах; эти различия увязываются с ценностями индивидуализма-коллективизма либо с другими ценностными измерениями. В кросс-культурных исследованиях эмоций сформулированы следующие дифференцирующие критерии: 1) общая эмоциональная экспрессивность, проявление позитивных и негативных эмоций [Kuppens et al., 2006; Matsumoto et al., 2008]; 2) гомогенность эмоционального опыта [Vishkin et al., 2023]; 3) относительная частота выражения отдельных эмоций: гордости, гнева, стыда – и их нормативные оценки [Eid, Diener, 2001; Kitayama et al., 2006; Boiger et al., 2013]; 4) предпочтения эмоций с высокой и низкой активацией [Ruby et al., 2012; Senft et al., 2023].

Среди исследуемых культур встречаются и российские данные. П. Куппенс и его коллеги, опросившие студентов из 48 стран, установили относительную сдержанность молодых россиян в декларации как негативных, так и позитивных эмоций, сходную поведению их ровесников из некоторых постсоциалистических и центральноевропейских стран [Kuppens et al., 2006]. Коллективом Д. Мацумото получены результаты, свидетельствующие о сравнительно низкой экспрессивности россиян и высоком уровне контроля над эмоциями [Matsumoto et al., 2008]. В межстрановом исследовании М. Динера и Р. Лукаса, посвященном нормативным представлениям взрослых об эмоциональном опыте их детей, россияне заняли умеренно высокое положение по интенсивности пожеланий счастья своему ребенку, высокое – по требованиям подавления страха и особенно гнева [Diener, Lucas, 2004].

Кросс-культурное исследование, опирающееся на типологию ценностей Ш. Шварца и проведенное с участием ее создателя, установило наличие статистически значимых связей между эмоциями и ценностями: выяснилось, что адепты ценностей заботы считают важной эмоцией жалость; ориентированные на самоутверждение значимо чаще других оправдывают проявления гордости и гнева; разделяющие ценности открытости изменениям ценят возбуждение; приверженцы ценностей сохранения стремятся жить

в спокойствии и избегать страха [Tamir et al., 2016]. Эти открытия позволяют предположить, что доминирующие ценности могут определять эмоциональную норму и даже относительную частоту эмоций в самоотчетах.

В приведенных выше исследованиях дифференцирующим критерием часто оказываются эмоции гордости, стыда и гнева [Eid, Diener, 2001; Kitayama et al., 2006; Voiger et al., 2013]. Т. Шефф утверждает, что в индивидуалистической культуре развитых стран особую роль играют гордость и стыд, и интерпретирует динамику социально-психологических процессов, в том числе военных конфликтов, сквозь призму этих сложных моральных эмоций. В соответствии с концепцией зеркального «Я» Ч. Кули, гордость и стыд возникают в результате восприятия оценки себя другими и сигнализируют о состоянии социальных связей [Scheff, 2014; 1988]. Гордость указывает на благополучное положение дел, а стыд, напротив, – на угрозу отвержения, понуждая индивида или группу к конформности и усилиям по сохранению связей. Он сочетается с другими негативными эмоциями, прежде всего, с гневом [Scheff, 1994: 61]. Подобно некоторым другим эмоциям, непризнанный и сдерживаемый стыд может подпитываться от самого себя и рекурсивно воспроизводиться. При этом в индивидуалистических обществах действует сильное табу на выражение и переживание стыда, поэтому эта эмоция почти невидима [Scheff, 2014]. Способом преодоления стыда может быть его трансформация в коллективную гордость за счет обесценивания низких внешних оценок и самого оценивающего субъекта [Pettigrove, Parsons, 2012]. Мы считаем, что концепция Шеффа может быть применена при анализе эмоций в период российско-украинского конфликта, поскольку этот период связан, в частности, с манифестацией коллективной гордости.

Гипотезы. Межстрановые исследования ценностей показывают, что в России в нулевые годы усиливались ценности самоутверждения и безопасности [Магун и др., 2015]. Также известно, что на эмоциональном уровне значительная часть россиян ценит достижения своей страны [Fabrykant, Magun, 2019]. Мы ожидаем, что в изучаемых всероссийских данных на протяжении всего периода наблюдений относительно высокое выражение будет иметь гордость индивидуальными или коллективными достижениями – как форма самооценки. В этом состоит гипотеза 1 нашего исследования.

Гипотеза 2 заключается в том, что пандемия COVID-19 должна была привести к всплеску негативных эмоций в 2020–2021 гг. Это событие стало источником экзистенциальных угроз и должно было снизить важное для россиян чувство безопасности. Исследования психологического самочувствия в пандемию указывают на рост тревожности [Латова, 2021]. Это подтверждают и регулярные опросы ФОМ².

Мы полагаем, что специальная военная операция (СВО) также оказала негативный эффект на эмоциональное состояние россиян, поскольку страх перед войной традиционно входит в перечень их тревог³. Гипотеза 3: в 2022 г. уровень негативных эмоций должен был повыситься. Однако негативный эффект пандемии предположительно был сильнее, чем эффект СВО, поскольку в первом случае под непосредственной угрозой находилось все население, военные же события напрямую не затронули большинство россиян.

Несмотря на ожидание негативных эмоций, мы помним слова Дюркгейма: «войны, стимулируя патриотизм, уменьшают озабоченность личными проблемами» [Дюркгейм, 2021: 191]. На этом основании можно выдвинуть гипотезу 4: начало военного конфликта с Украиной в 2022 г. укрепило коллективную самооценку россиян.

² Доминанты. Поле мнений. Результаты еженедельных всероссийских опросов ФОМ. 2022. № 49. URL: <https://fom.ru/Dominanty/14812> (дата обращения: 13.05.2024).

³ Тревоги и опасения россиян. Страхи и тревоги россиян относительно ситуации в повседневной жизни, стране и мире. Результаты всероссийских опросов ФОМ. 2024. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14975> (дата обращения: 22.07.2024).

Методология исследования и эмпирическая база. Использованы данные всероссийских опросов АНО «Левада-центр» серии «Курьер»⁴ о чувствах⁵, переживаемых респондентами лично и распознаваемых у социального окружения. Для выбора ответов предлагался список-меню из 16 подсказок: надежда; усталость, безразличие; чувство одиночества, заброшенности; страх; чувство собственного достоинства; обида; растерянность; зависть; отчаяние; уверенность в завтрашнем дне; чувство свободы; чувство обиды за свой народ; чувство ответственности за происходящее; чувство стыда за происходящее; озлобленность, агрессивность; гордость за свой народ. Анализ непараметрических корреляций Спирмена позволил подразделить эти эмоции на позитивные и негативные. Соотношение позитивных и негативных эмоций в списке соответствует их пропорциям в приведенных выше классических типологиях Экмана и Кемпера.

Были отобраны данные 12 опросов серии «Курьер» с 2014 по 2024 г. – только те массивы, где использовались одинаковые списки из 16 эмоций (в более ранних опросах и в 2018 г. число подсказок варьировалось). Опросы проводились методом личного интервью по месту жительства, по всероссийской четырехступенчатой стратифицированной случайной выборке, включавшей постоянно проживающее городское и сельское население России в возрасте от 18 лет. В выборку входили представители всех регионов за исключением 12 труднодоступных малонаселенных субъектов РФ. Объем выборки по каждому этапу исследования – не менее 1600 чел.

Данные исследовались при помощи описательных статистик, а также методом регрессионного анализа, который, насколько нам известно, не применялся к ним ранее. Было построено 32 модели бинарных логистических регрессий, в каждой из которых зависимой переменной была одна из 16 эмоций – замеченная у себя лично либо у окружающих. Главной независимой переменной во всех моделях служила дискретная дамми-переменная даты опроса. В качестве контрольных взяты социально-демографические признаки: пол, возраст, семейное положение, образование, оценка материального статуса семьи, размер населенного пункта, федеральный округ.

Описательный анализ. Приведенные на рис. 1 и 2 распределения отражают сравнительно низкий уровень эмоциональной консолидации россиян на протяжении десятилетия. Ответы рассеяны по всем категориям; частота ведущих эмоций не превышает 30–35%. Самая распространенная личная эмоция россиян – надежда, второе место до 2022 г. занимала подсказка «усталость, безразличие». В топ иерархии эмоций также входят индикаторы коллективной самооценки: обида за народ и, после 2022 г., гордость за народ. Набор ведущих эмоций социального окружения россиян совпадает со структурой ведущих личных эмоций, хотя их порядок немного иной (рис. 2).

Каждая из эмоций самоутверждения, к которым, помимо гордости за народ, можно отнести чувство собственного достоинства и уверенность в завтрашнем дне, встречается с умеренной частотой (менее 20% в обоих измерениях). В 2022 г. гордость за народ возрастает до 36%, захватывая ведущее место в иерархии эмоций и вытесняя обиду за народ из топа. Этот серьезный сдвиг свидетельствует об укреплении коллективной самооценки россиян; его статистическая значимость будет проверена далее в регрессионных моделях.

Наряду с позитивными эмоциями следует обратить внимание на негативные чувства, выражающие низкую самооценку. Наиболее распространенным способом их вербализации служит подсказка «обида за народ» (13–24% в самоотчетах, 12–27% в ответах об эмоциях других людей). Антагонистические эмоции, сигнализирующие о неудовлетворенности социальными отношениями – стыд за происходящее, озлобленность, обида, зависть – находятся в нижней части иерархии личных эмоций. Россияне реже признаются

⁴ Данные предоставлены Д.А. Волковым и Н.А. Зоркой. Описание методологии опроса см. на сайте АНО «Левада-центр»: <https://www.levada.ru/zakazchikam/omnibus/>

⁵ Термин «чувства» применительно к их диагностике в массовых опросах мы рассматриваем как синоним «эмоций».

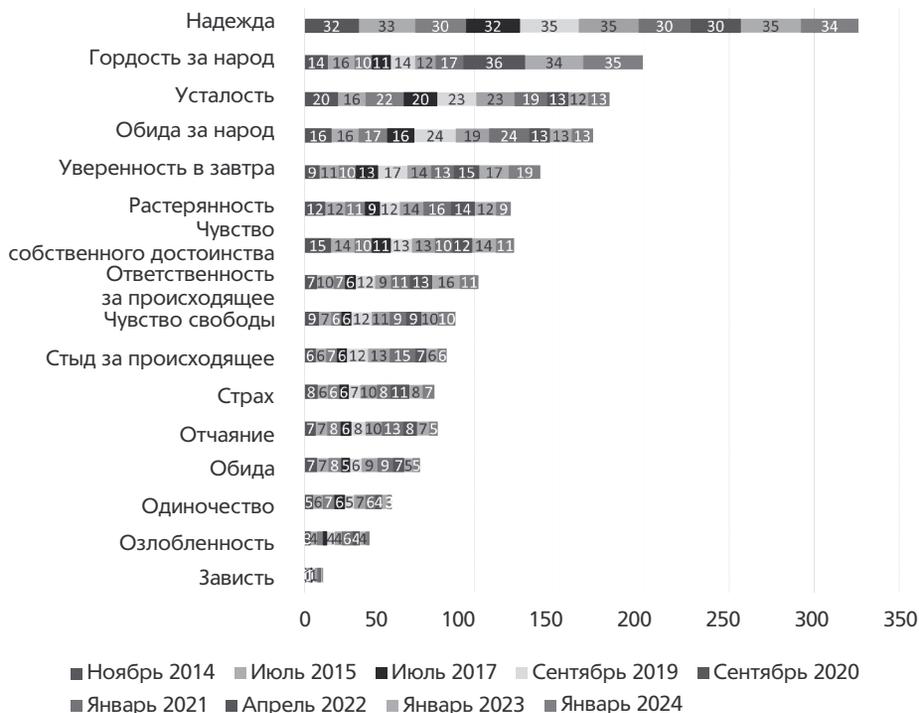

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства, на ваш взгляд, окрепли в последнее время у вас лично? Дайте не более трех ответов», % респондентов

в собственном гневе и зависти, чем диагностируют их у других людей. Стыд за происходящее до 2022 г. чаще признают у себя, нежели у других; впоследствии он перемещается в область внешних эмоций. Та же тенденция наблюдается в отношении обиды за народ. Личная обида ведет себя противоположным образом: до 2021 г. включительно это скорее внешняя эмоция, но впоследствии ее локус смещается вовнутрь.

Рассмотрим соотношение и общие изменения позитивных и негативных эмоций россиян. На рис. 3 показаны средние значения суммарных индексов позитивных и негативных эмоций⁶ в течение последнего десятилетия. С 2014 по 2021 г. респонденты чаще замечали у других людей негативные состояния, нежели позитивные. Личные эмоции были более сбалансированы, между уровнями позитивных и негативных состояний не было существенного лага. С 2019 по 2021 г. средний уровень негативных эмоций – своих и чужих – существенно вырос; позитивные эмоции оставались примерно на том же уровне. В 2022 г. соотношение эмоций кардинально изменилось: негативные резко отступили, а позитивные, напротив, усилились и стали преобладать над негативными. В 2023 г. средний уровень позитивных эмоций снизился, а негативные остались на тех же низких значениях; исчезло расхождение между позитивными и негативными эмоциями окружающих. В начале 2024 г. личные негативные эмоции находились на рекордно низком уровне, личные позитивные – на очень высоком. Сохранялось необычное для россиян доминирование позитивных эмоций.

⁶ Индексы получены как средние значения суммарных показателей упоминаний позитивных и негативных эмоций по каждой волне опроса. Например, респондент указал 2 позитивные эмоции и негативную, значение индекса позитивных эмоций у него – 2, индекса негативных – 1. Индексы рассчитаны для личных эмоций и для эмоций окружающих.

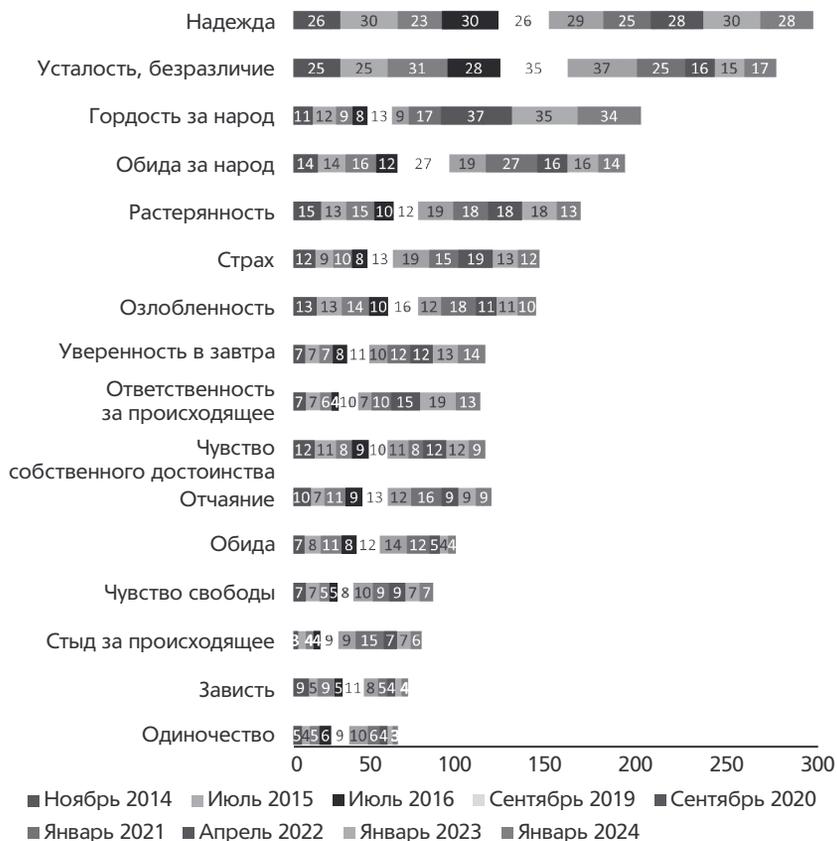

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства, на ваш взгляд, окрепли в последнее время среди окружающих вас людей? Дайте не более трех ответов», % респондентов

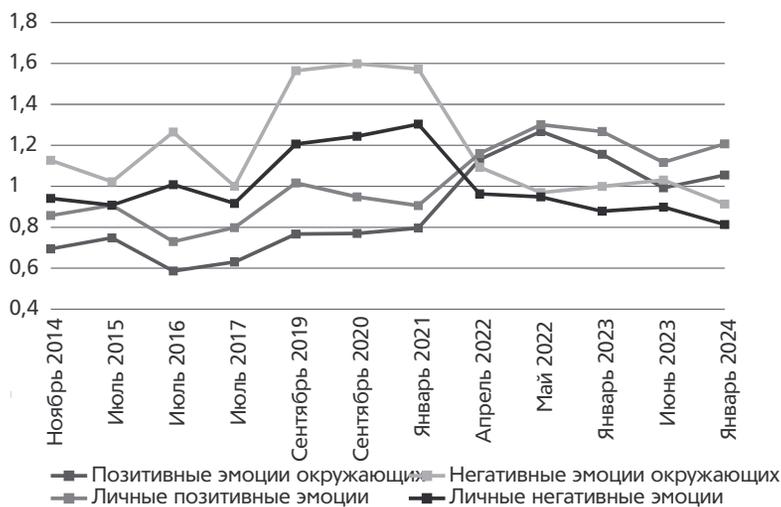

Рис. 3. Средние значения суммарных индексов позитивных и негативных эмоций, отмеченных россиянами у себя и окружающих в 2014–2024 гг.

Регрессионный анализ изменений эмоций россиян в 2020–2024 гг. Оценим значимость изменений отдельных эмоций по результатам регрессионного анализа. Напомним, что главной независимой переменной в моделях логистических регрессий была дата проведения опроса. В качестве референтного периода, с которым сравнивались показатели других волн, взят ноябрь 2014 г. Для более эффективного построения линии тренда в регрессионных моделях использовались все 12 волн опросов 2014–2024 гг., однако в данной работе мы анализируем значения бета-коэффициентов лишь для волн 2020–2024 гг., сосредоточившись на событиях последних лет. Чем выше абсолютное значение коэффициента, тем сильнее изменилась частота упоминания той или иной эмоции по сравнению с 2014 г. Его знак указывает на направление изменений.

Эмоции во время пандемии COVID-19. Данные о психологическом состоянии российского общества в условиях экзистенциальной угрозы и карантинных ограничений содер­жатся в двух волнах опросов, проводившихся в сентябре 2020 г. и феврале 2021 г. Значения регрессионных коэффициентов указывают на повышенную частоту страданий – негативных эмоций, которые респонденты ощущали лично (табл. 1.1). Прежде всего, у опрошенных усилились признаки фрустрации: значимо повысились отчаяние (в обеих «пандемийных» волнах опроса), страх (в 2020 г.) и растерянность (в 2021 г.).

Вопреки ожиданиям, существенного нарастания депрессивных эмоций не произошло. Наиболее типичная для россиян усталость усилилась осенью 2020 г., однако спустя полгода число ее упоминаний сократилось. Частота одиночества и заброшенности в обеих волнах осталась на уровне фоновых значений; в 2021 г. знак коэффициента стал отрицательным.

Во время пандемии усилились многие антагонистические эмоции. Так, в обеих волнах статистически значимо выросли обида за народ и стыд за происходящее (табл. 1.2). Повышенный уровень обиды и зависти зафиксирован в первый год; на втором году значимо больше людей признавалось в озлобленности и агрессивности.

Во время эпидемии COVID-19 россияне находили поводы и для позитивных эмоций. По сравнению с 2014 г. статистически значимо упало лишь чувство собственного достоинства (табл. 2). Негативные, но незначимые регрессионные коэффициенты в начале пандемии – у гордости за народ, в 2021 г. – у надежды. Коэффициенты остальных эмоций имеют положительный знак. Уверенность россиян в завтрашнем дне укреплялась в течение

Таблица 1.1

Коэффициенты бинарных логистических регрессий, показывающие изменения частоты личных негативных эмоций у россиян в период с 2020 по 2024 г. по сравнению с 2014 г., основная независимая переменная – год опроса. Часть 1

Личные эмоции	Усталость, безразличие	Одиночество, заброшенность	Страх	Растерянность	Отчаяние
Год проведения опроса (референтное значение: 2014)					
2020, сент.	0,184*	0,191	0,266*	0,157	0,424**
2021, янв.	–0,045	–0,063	0,035	0,321**	0,693***
2022, апр.	–0,531***	–0,449*	0,408**	0,194	0,180
2022, май	–0,478***	–0,398*	0,013	0,198	0,074
2023, янв.	–0,607***	–0,641**	0,071	0,047	0,133
2023, июн.	–0,431***	–0,454**	0,238	0,105	–0,226
2024, янв.	–0,514***	–0,741***	–0,060	–0,343**	–0,197
Скорректир. R ²	0,038	0,072	0,051	0,035	0,045
Кол-во наблюдений	19373	19373	19373	19373	19373

всего ковидного периода. В 2020 г. ненадолго выросло даже чувство свободы. В то же время значимо усиливаются ответственность за происходящее и гордость за народ.

Эмоции во время СВО. С весны 2022 г. до зимы 2024 г. депрессивные состояния – усталость и безразличие, одиночество и заброшенность – назывались значимо реже, чем в 2014 г. (табл. 1.1). Эмоции фрустрации были несколько противоречивыми. Страх, подъем которого естественно было ожидать в связи с военными угрозами, действительно усилился в апреле 2022 г., однако упал до фоновых значений спустя месяц. Дальнейших всплесков страха не зафиксировано – даже в январе 2023 г., вскоре после частичной мобилизации. Растерянность и отчаяние в 2022–2024 гг. повышены не были.

Коэффициенты антагонистических эмоций, выражающих неудовлетворенность состоянием социальных связей, в основном были либо понижены, либо находились на уровне фоновых значений (табл. 1.2). Так, обида за народ, входящая в верхушку российской иерархии эмоций, то значимо падала (в апреле 2022 г., январе 2023 и 2024 гг.), то возвращалась к уровню референтного периода. Личная обида оставалась существенно сниженной с мая 2022 г. по январь 2024 г. Манифестаций гнева (озлобленности и агрессивности) в опросных данных тоже не было. Коэффициенты зависти были не значимы и в основном отрицательны. Уровень стыда за происходящее в 2022–2024 гг. не превышал референтных значений; по сравнению с пандемией его интенсивность снизилась.

В целом в данных всероссийских опросов за 2022–2024 гг. отсутствуют признаки стресса – вероятно, в связи с тем, что подавляющее большинство респондентов не столкнулись с последствиями военных действий в своей реальной жизни и не фокусировали на них внимание. Учитывая, что в обществе могут действовать нормы сдерживания и маскировки негативных эмоций, корректирующую информацию могут дать данные о чувствах социального окружения, обсуждать которые респондентам легче, чем собственные переживания. Анализ коэффициентов регрессионных моделей для эмоций окружающих показывает, что в целом их тренды совпадают с направлением динамики личных эмоций. Однако есть и несколько исключений, приведенных в табл. 3. Наиболее ярким из них является резкий рост стыда за происходящее в 2022–2024 гг. Также следует обратить внимание на устойчиво повышенный в период СВО уровень растерянности, снизившийся только в последней волне опроса. Расходятся данные и по обиде за народ: если у самих респондентов уровень этой эмоции либо снижен, либо коэффициенты незначимы, то в социальном окружении наблюдается ее значимый всплеск летом 2023 г.

Перейдем к рассмотрению позитивных эмоций россиян в 2022–2024 гг. С началом СВО зафиксирован стремительный взлет сообщений о гордости за народ, значительный рост ответственности за происходящее и уверенности в завтрашнем дне (табл. 2). В мае

Таблица 3

Коэффициенты бинарных логистических регрессий, показывающие изменения частоты отдельных эмоций социального окружения россиян, в период с 2022 по 2024 г. по сравнению с 2014 г., основная независимая переменная – год опроса

Эмоции окружающих	Растерянность	Стыд за происходящее	Обида за народ
Год проведения опроса (референтное значение: 2014)			
2022, апр.	0,217*	0,884***	0,178
2022, май	0,225*	0,644***	0,153
2023, янв.	0,240*	0,933***	0,181
2023, июн.	0,218*	0,973***	0,227*
2024, янв.	–0,181	0,708***	0,072
Скорректир. R ²	0,039	0,045	0,036
Кол-во наблюдений	19373	19373	19373

2022 г. значимо окрепли надежда и чувство свободы – вернувшиеся, однако, к фоновым значениям в июне 2023 – январе 2024 гг. Единственная позитивная эмоция, пониженная в период СВО, – это чувство собственного достоинства. Уменьшение ее частоты значимо во всех волнах, кроме января 2023 г.

К лету 2023 г. возбуждение, вызванное демонстрацией военной мощи страны, несколько стихло: произошел статистически значимый откат к фоновым значениям надежды (ведущей эмоции россиян), чувствам свободы и собственного достоинства. По сравнению с 2022 г. значимо снизилась и гордость за народ, что было проверено путем замены референтной группы в регрессионных моделях. Снижение позитивной самооценки сопровождалось возвратным усилением обиды за народ среди окружающих (табл. 3). В 2024 г. эмоциональный подъем возобновился: гордость за народ и уверенность в завтрашнем дне укрепились, а растерянность снизилась. Чувство ответственности за происходящее значимо ослабло, однако значения коэффициентов остались повышенными.

Выводы. Гипотеза 1 о высокой степени выраженности в российском эмоциональном климате гордости и других эмоций, связанных с индивидуальной или коллективной самооценкой, подтверждается, но требует уточнений. Изначально мы сосредоточились на состояниях, отражающих высокую самооценку, тогда как важными индикаторами чувствительности к внешней оценке служат и их антиподы: обида, стыд и др. Мы обнаружили, что до 2022 г. гордость за народ проявлялась умеренно, уступая обиде за народ в иерархии эмоций. На вершину рейтинга гордость вошла с началом СВО. Таким образом, эмоции самоутверждения действительно оказались важны для россиян, но оценка своего коллективного или индивидуального положения в социальной структуре не всегда позволяла им испытать их; в период наблюдений чаще доминировала низкая самооценка.

Регрессионный анализ данных всероссийских опросов позволяет заключить, что гипотеза 2 о стрессовом характере пандемии COVID-19 подтверждается статистически значимым обострением большинства негативных эмоций в 2020–2021 гг.: фрустрации, антагонистических чувств, усталости. При этом уровень негативных эмоций, замеченных у окружающих, значительно превышает уровень собственных негативных эмоций.

Вопреки гипотезе 3, данные опросов 2022–2024 гг. не отразили всплеска негативных эмоций в связи со специальной военной операцией на территории Украины. Напротив, 2022 г. характеризовался снижением негативных эмоций и ростом позитивно окрашенного возбуждения. Частота упоминаний депрессии и антагонистических эмоций существенно снизилась. Уровень фрустрации ненадолго повышался в начале военного конфликта (и, возможно, во время объявленной осенью 2022 г. частичной мобилизации – хотя январский опрос 2023 г. не отразил этого повышения). В 2023–2024 гг. нетипичное преобладание позитивных эмоций над негативными сохранялось. Итоги описательного и регрессионного анализа подтверждают гипотезу 4 об укреплении коллективной самооценки.

Тенденции второго плана выявляют психологический и моральный дискомфорт небольшой части россиян. Данные опросов свидетельствуют о повышенном уровне стыда за происходящее и растерянности, распознаваемых у социального окружения; к 2024 г. растерянность возвращается к фоновым значениям, свидетельствуя о психологической адаптации к текущей ситуации. Индивидуальная самооценка, выражаемая чувством собственного достоинства, в 2023–2024 гг. была значимо снижена.

Динамика эмоций россиян свидетельствует о снижении коллективной и индивидуальной самооценки во время пандемии при высокой чувствительности к достижениям, на которую указывают исследования ценностей [Магун и др., 2015; Fabrykant, Magun, 2019]. Эмоции обиды, стыда, гнева и пр. обычно возникают как сигналы угрозы разрыва социальных связей и понижения социального статуса – на индивидуальном или глобальном уровне. Как доказывает Шефф, накопление в обществе напряжения такого рода создает подходящую атмосферу для военного конфликта [Scheff, 1994]. Напряжение может преодолеваться путем трансформации его в коллективную гордость [Pettigrove, Parsons, 2012] – что, на наш взгляд, и происходило в начале СВО с россиянами, испытывавшими

резкий подъем патриотических чувств. Можно говорить об эмоциональной разрядке путем канализации напряжения в геополитическую сферу.

Учитывая данные эмпирических исследований о том, что эмоциональными нормами для россиян являются подавление страха и гнева, а также общая сдержанность в демонстрации эмоций, можно предположить, что часть негативных и даже позитивных чувств остается невидимой для опросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Настроения населения России в ситуации кризисов и войны // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2023. № 1–2(134). С. 115–175.
- Дюркгейм Э. Моральное воспитание. М.: ВШЭ, 2021. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2.
- Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120–132.
- Латова Н.В. Специфика социальных чувств, общественных настроений и духовной атмосферы в стране после года пандемии // ИНАБ. Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 33–46. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.3.
- Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3–4. С. 74–93.
- Петухов В.В. Кризис и динамика социальных настроений // Мир России. Социология. Этнология. 2010. № 1. С. 45–66.
- Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М., 1993.
- Хокшильд А.Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М.: «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 348–358.
- Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2018.
- Boiger M., Mesquita B. et al. Condoned or Condemned: The Situational Affordance of Anger and Shame in the United States and Japan // Personality and Social Psychology Bulletin. 2013. Vol. 39(4). P. 540–553. DOI: 10.1177/0146167213478201.
- Diener M.L., Lucas R.E. Adults' Desires for Children's Emotions Across 48 Countries: Associations with Individual and National Characteristics // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. Vol. 35(5). P. 525–547. DOI: 10.1177/0022022104268387.
- Eid M., Diener E. Norms for Experiencing Emotions in Different Cultures: Inter- and Intranational Differences // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81(5). P. 869–885. DOI: 10.1037//0022-3514.81.5.869.
- Fabrykant M., Magun V. Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996–2015 // Nationalities Papers. 2019. Vol. 47(1). P. 20–37. DOI: 10.1017/nps.2018.18.
- Kemper T.D. How Many Emotions are There? Wedding The Social and The Autonomic Components // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93(2). P. 263–289.
- Kemper T.D. Toward a Sociology of Emotions: Some Problems and Some Solutions // The American Sociologist. 1978. Vol. 13(1). P. 30–41.
- Kitayama S., Mesquita B., Karasawa M. Cultural Affordances and Emotional Experience: Socially Engaging and Disengaging Emotions in Japan and The United States // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91(5). P. 890–903. DOI: 10.1037/0022-3514.91.5.890.
- Kuppens P., Ceulemans E. et al. Universal Intracultural and Intercultural Dimensions of The Recalled Frequency of Emotional Experience // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2006. Vol. 37(5). P. 491–515. DOI: 10.1177/0022022106290474.
- Matsumoto D., Yoo S.H. et al. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2008. Vol. 39(1). P. 55–74. DOI: 10.1177/0022022107311854.
- Pettigrove G., Parsons N. Shame: A Case Study of Collective Emotion // Social Theory and Practice. 2012. Vol. 38 (3). P. 504–530. DOI: 10.5840/soctheorpract201238327.
- Ruby M.B., Falk C.F. et al. Not All Collectivisms Are Equal: Opposing Preferences for Ideal Affect Between East Asians and Mexicans // Emotion. 2012. Vol. 12(6). P. 1206–1209. DOI: 10.1037/a0029118.
- Scheff T.J. The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity // Cultural Sociology. 2014. Vol. 8(2). P. 129–141. DOI: 10.1177/1749975513507244.
- Scheff T.J. Bloody Revenge: Emotions, Nationalism, And War. Routledge, 1994. DOI: 10.4324/9780429038792.

- Scheff T.J. Shame and Conformity: The Deference-Emotion System // *American Sociological Review*. 1988. Vol. 53(3). P. 395–406. DOI: 10.2307/2095647.
- Senft N., Doucerein M.M. et al. Within- and Between-Group Heterogeneity in Cultural Models of Emotion Among People of European, Asian, And Latino Heritage in The United States // *Emotion*. 2023. Vol. 23(1). P. 1–14. DOI: 10.1037/emo0001052.
- Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *The American Historical Review*. 1985. Vol. 90(4). P. 813–836. DOI: 10.2307/1858841.
- Tamir M., Schwartz S.H. et al. Desired Emotions Across Cultures: A Value-Based Account // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 111. No. 1. P. 67–82. DOI: 10.1037/pspp0000072.
- Thoits P.A. Emotion Norms, Emotion Work, and Social Order // *Feeling and Emotions. The Amsterdam Symposium*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 359–378. DOI: 10.1017/CBO9780511806582.021.
- Vishkin A., Kitayama S. et al. Adherence to Emotion Norms Is Greater in Individualist Cultures Than in Collectivist Cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2023. Vol. 124(6). P. 1256–1276. DOI: 10.1037/pspi0000409.

Статья поступила: 14.05.24. Финальная версия: 05.08.24. Принята к публикации: 02.09.24.

EMOTIONS OF RUSSIANS IN 2014–2024

OKOLSKAYA L.A.

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russia

Lidia A. OKOLSKAYA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Department of Personality Research, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (okoli@yandex.ru).

Abstract. The article presents the results of analyzing data from the 2014–24 all-Russian public opinion polls on 16 emotions experienced personally and observed in others. The hierarchy and dynamics of mean values of positive and negative emotion indices were investigated. Changes in distinct emotions in 2020–24 were assessed using regression analysis. It has been found that pride and other self-esteem emotions are well expressed in the Russian emotional climate, both in self-reports and in responses about other peoples feelings. In 2014–22, national pride was inferior to collective resentment in the hierarchy of emotions; subsequently, the ratio reversed. In 2020–21, during the COVID-19 pandemic, there was a significant exacerbation of negative emotions, such as frustration, antagonistic feelings, and fatigue. Particularly significant was the increase in negativity observed by respondents in their social environment. Contrary to our expectations, the polling data for 2022–24 did not reflect a surge of negative emotions in connection with Russia’s military actions against Ukraine. Frustration levels rose briefly in the spring of 2022; new spikes weren’t recorded thereafter. Mentions of depression and antagonistic emotions have become significantly rarer in this period; positive emotions increased dramatically and began to dominate over negative ones. Psychological arousal is mainly related to the strengthening of collective self-esteem. Secondary trends indicate psychological and moral discomfort of a small part of Russians at this time. Survey data indicate an increased level of collective shame and confusion recognized in other people. One more feature is the reduced level of individual self-esteem.

Keywords: positive and negative emotions, feelings, emotional norms, collective self-esteem, self-reports, regression analysis.

REFERENCES

- Boiger M., Mesquita B. et al. (2013a) Condoned or Condemned: The Situational Affordance of Anger and Shame in the United States and Japan. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 39(4): 540–553. DOI: 10.1177/0146167213478201.
- Diener M.L., Lucas R.E. (2004) Adults’ Desires for Children’s Emotions Across 48 Countries: Associations with Individual and National Characteristics. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 35(5): 525–547. DOI: 10.1177/0022022104268387.
- Durkheim E. (2021) *Moral education*. Moscow: VSHE. DOI: 10.17323/978–5–7598–2530–2. (In Russ.)
- Eid M., Diener E. (2001) Norms for Experiencing Emotions in Different Cultures: Inter- and Intranational Differences. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 81(5): 869–885. DOI: 10.1037//0022–3514.81.5.869.
- Ekman P. (2018) *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

- Fabrykant M., Magun V. (2019) Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996–2015. *Nationalities Papers*. Vol. 47(1): 20–37. DOI: 10.1017/nps.2018.18.
- Gudkov L. (2023) Negative identity. Russia's populace's outlook in times of crisis and war. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 1–2(134): 115–175. (In Russ.)
- Hochschild A.R. (2019) *The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling*. Ed. by V. Danilov Moscow: "Delo" RANHiGS. (In Russ.)
- Kemper T.D. (1978) Toward a Sociology of Emotions: Some Problems and Some Solutions. *The American Sociologist*. Vol. 13(1): 30–41.
- Kemper T.D. (1987) How Many Emotions are There? Wedding The Social and The Autonomic Components. *American Journal of Sociology*. Vol. 93(2): 263–289.
- Kitayama S., Mesquita B., Karasawa M. (2006) Cultural Affordances and Emotional Experience: Socially Engaging and Disengaging Emotions in Japan and The United States. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 91(5): 890–903. DOI: 10.1037/0022-3514.91.5.890.
- Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. (2015) Happiness and its Determinants. Part I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 120–132. (In Russ.)
- Kuppens P., Ceulemans E. et al. (2006) Universal Intracultural and Intercultural Dimensions of The Recalled Frequency of Emotional Experience. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 37(5): 491–515. DOI: 10.1177/0022022106290474.
- Latova N.V. (2021) Specificity of social feelings, public moods and spiritual atmosphere in the country after the year of the pandemic. *Information and Analytical Bulletin (INAB)*. Russian society in the context of the pandemic: a year later (the experience of sociological diagnostics). No. 2: 33–46. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.3. (In Russ.)
- Magun V., Rudnev M., Schmidt P. (2015) Russian Basic Human Values through the Lens of the European Value Types. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 3–4 (121): 74–93. (In Russ.)
- Matsumoto D., Yoo, S.H. et al. (2008) Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 39(1). P. 55–74. DOI: 10.1177/0022022107311854.
- Pettigrove G., Parsons N. (2012) Shame: A Case Study of Collective Emotion. *Social Theory and Practice*. Vol. 38(3): 504–530. DOI: 10.5840/soctheorpract201238327.
- Petukhov V.V. (2010) The Crisis and the Dynamics of Social Attitudes. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 45–66. (In Russ.)
- Ruby M.B., Falk C.F. et al. (2012) Not All Collectivisms Are Equal: Opposing Preferences for Ideal Affect Between East Asians and Mexicans. *Emotion*. Vol. 12(6): 1206–1209. DOI: 10.1037/a0029118.
- Scheff T. (2014) The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity. *Cultural Sociology*. Vol. 8(2): 129–141. DOI: 10.1177/1749975513507244.
- Scheff T.J. (1988) Shame and Conformity: The Deference-Emotion System. *American Sociological Review*. Vol. 53(3): 395–406. DOI: 10.2307/2095647.
- Scheff T.J. (1994) *Bloody Revenge: Emotions, Nationalism, And War* (1st ed.). Routledge. DOI: 10.4324/9780429038792.
- Senft N., Doucerain M.M. et al. (2023) Within- and Between-Group Heterogeneity in Cultural Models of Emotion Among People of European, Asian, And Latino Heritage in The United States. *Emotion*. Vol. 23(1): 1–14. DOI: 10.1037/emo0001052.
- Shubkin V.N., Ivanova V.A. (2001) Fears, Concerns, an Ability to Withstand with Them. In: Yadov V.A. (eds) *Russia: A Transforming Society*. Moscow: Kanon-Press: 348–358. (In Russ.)
- Stearns P.N., Stearns C.Z. (1985) Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *The American Historical Review*. Vol. 90(4): 813–836. DOI: 10.2307/1858841.
- Tamir M., Schwartz S.H. et al. (2016) Desired Emotions Across Cultures: A Value-Based Account. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 111. No. 1: 67–82. DOI: 10.1037/pspp0000072.
- The Soviet Common Man. Experience of social portrait at the turn of the 90s.* (1993) Ed. by Yu.A. Levada Moscow. (In Russ.)
- Thoits P.A. (2004) Emotion Norms, Emotion Work, and Social Order. In: *Feeling and Emotions*. The Amsterdam Symposium. Cambridge: Cambridge University Press: 359–378. DOI: 10.1017/CBO9780511806582.021.
- Vishkin A., Kitayama S. et al. (2023) Adherence to Emotion Norms Is Greater in Individualist Cultures Than in Collectivist Cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 124(6): 1256–1276. DOI: 10.1037/pspi0000409.